

Масс-медиа, выборы и новая реальность

Французский философ Габриэль Марсель считал, что за каждым подлинным произведением можно распознать то, что он называл “ожогом от реальности”.

Такой ожог от реальности получили и мы, когда президентом одного из крупных европейских государств стал не профессиональный политик, имеющий разработанную политическую программу, закаленный в политических баталиях, имеющий опыт государственного управления, прошедший различные этапы бюрократического роста, а “человек из телевизора”.

При этом я не намерен дать оценку этому явлению, тем более человеку, меня скорее интересует рассмотрение и анализ новых условий, которые радикальным образом трансформировали всю сферу политики, когда сами понятия “программа”, “политическая партия”, “идеология” уходят в прошлое и перестают что-либо значить, когда принципиальным образом меняется пространство политической борьбы.

Подобные изменения, на мой взгляд, связаны со все большим влиянием на социальную жизнь такого явления, как медиа-реальность, связанного с возникновением и распространением новых коммуникационных технологий — мобильной телефонии и интернета. Потоки медиа, сетевые сообщества, социальные сети формируют новое коммуникативное пространство общества, начинают определять его главные характеристики.

Телевидение, масс-медиа становятся подлинным пространством человеческого обитания, которое требует новых принципов ориентации. При этом традиционные средства ориентации в пространстве и времени исчезают. Тело, в отношении к которому определялось местоположение в пространстве, когда асимметрия рук служит средством различения правого и левого направления, замещается электронным навигатором, превращается в точку на дисплее или в виртуальный образ в фейсбуке, сделанный с помощью смартфона. Живописные лес, горы, опушка превращаются в ландшафт — серию фотографий, выставленных в социальной сети. По-новому

переживается время, оно перестает делиться на время труда и время отдыха, время разлуки и время встречи — теперь это скорее время, затраченное на комментарии в социальных сетях, на разговоры в “скайпе”, на просмотр телевизионных программ и т.п. Исчезает оппозиция между приватной и публичной жизнью человека, а интимные процессы человеческой жизни становятся виртуальной средой для медиа.

Это самые общие бросающиеся в глаза изменения, нам же в первую очередь нужно понять то, что происходит с публичным пространством политики и социального.

При изучении медийного пространства наряду с большим количеством специальных работ, посвященных вопросам масс-медиа, для меня образцом остаются сочинения французского социолога Жана Бодрийяра, идеи которого легли в основу данного текста. Такое предпочтение вызвано тем, что Бодрийяр в своих исследованиях выходит за границы позитивистско-научного дискурса и создает свой парадоксальный язык описания медиа.

Медиа и конец идеологии

При описании идеологии я исхожу из понимания ее как ложного сознания, с помощью которого реальная жизнь фальсифицируется в воображаемом представлении о реальности. Это искаженное представление о реальности можно подвергнуть критике, поскольку предполагается, что существует некий трансцендентальный субъект, обладающий неискаженным образом реальной жизни, способный заставить спекулятивные идеи опуститься на землю. Теория идеологии предполагает диалектическую модель сущности и явления, когда явление воплощается в ложном сознании. Идеология содержит в себе некоторое притязание на понимание мира, общества, она формулирует социальные цели, программы и требует их признания от индивида или группы.

Для выражения своих требований ей нужен определенный язык, который дает ей возможность универсализировать свои требования. Наличие многих языков разобщает группу, делает ее недостаточно интегрированной. Так в идеологии появляются функции легитимации и интеграции.

Идеология всегда предполагает того, кто говорит, — субъекта предположительно знающего, царство абстрактного знания — и того, к кому обращено послание, — субъекта, наделенного некой монадической точкой зрения на мир. Радикальные изменения происходят, как только нарушается основополагающая структура коммуникации.

Однако появление известной формулы М.МакЛюэна: “Medium is the Message” поставило существующие теории идеологии с их акцентированным вниманием к содержанию сообщения под вопрос. Эта парадоксальная формулировка выносит за скобки содержание сообщения. Каждый медиум коммуникации сообщает свое — телевидение сообщает иное, чем кино, радио — иное, чем кино и телевидение. Но именно посредством сообщений, заложенных в природе медиа, в их формах воздействия на психику, происходит формирование сознания. Средства коммуникации являются интерфейсом для связи человека с окружением. Именно их форма, а не содержание определяет, каким предстает мир. Каждое средство коммуникации обособливается в своем бытии и адаптирует к себе человека, устанавливает новую систему равновесия с его чувствами. Например, появление смартфонов создало такую осо-

бую форму сетевого нарциссизма, как “селфи”. Коммуникационная технология выступает как означающее, демонстрирующее разрыв с означаемым. Такое понимание коммуникационной технологии подготовило утверждение в дискурсе таких важных понятий, как “симулякр” и “симуляция”.

“Медиа — не орудие идеологии, они сами и есть идеология. “Прозрачность” медиа имеет своим следствием то обстоятельство, что посредством медиа уже невозможно провести ту или иную идеологическую доктрину и насильственно интроецировать ее в сознание потребителя информации. Медиа производят только медиа. ... Идеология — лишь искажение реальности через знаки, симуляция — короткое замыкание реальности и ее дублирование знаками. Цель идеологического анализа — восстановление объективного процесса, а намерение восстановить истину в рамках симулякра — ложная постановка проблемы” [Бодрийяр, 2015: с. 42].

Утверждение Бодрийяра, что намерение восстановить истину в рамках симулякра — ложная постановка проблемы, радикально меняет наши претензии к масс-медиа по поводу присутствия в них “истины” или “лжи” и их манипулятивного характера.

Конец идеологии предполагает, что ее уход освобождает место, которое она ранее занимала. Это место заполняется “пространством стилистической и дискурсивной гетерогенности, не подчиненной норме. Безликие властители по-прежнему манипулируют экономическими стратегиями, контролирующими наше существование, но им более не нужно навязывать свою речь (либо они больше не способны на это)” [Джеймисон, 2019: с. 113].

Особый характер присутствия информации в масс-медиа получил название “постправда”. Было бы наивно полагать, что постправда эквивалентна феноменам пропаганды, свойственной эпохе идеологической борьбы между капитализмом и коммунизмом.

Представители Франкфуртской школы убедительно писали о том, что медиа представляют собой средство промывки мозгов индивидов и приведения их в состояние одномерности. Сегодня все иначе. Медиа — сами по себе нечто реальное, нечто, существующее независимо и, возможно, обладающее собственными потребностями и интересами. Медиа — не орудие идеологии, они сами и есть идеология.

Мир на ощупь: тактильная коммуникация и дистанцированность

Приход электронных средств коммуникации несет с собой упразднение привычной дистанции между человеком и человеком, человеком и миром, на которую опирались идеологические конструкции.

Бодрийяр разделяет идею МакЛюэна о том, что эра массовых электронных средств коммуникации является эрой *тактильной коммуникации*. При визуальной еще сохраняется дистанцированность от созерцаемого и возможность задуматься о нем, осознание же представляет собой чистый тест. Осознание становится общей схемой коммуникации.

Работающий за компьютером человек читает не глазами, утверждает Бодрийяр, но прибегает к “нащупыванию пальцами”, в процессе которого взгляд двигается вдоль бесконечной линии. Осозаемость не связана с прикосновением, но означает “эпидермическую близость глаза и образа, конец эстетического расстояния, взгляда” [Бодрийяр, 2006: с. 81]. Появление сен-

сорных экранов, когда ввод и вывод информации осуществляется посредством прикосновения к нему, еще больше подтверждает справедливость рассуждений Бодрийера.

Если Бодрийер пишет об утрате перспективы, то Джеймисон — об утрате глубины. Современная культура, как это можно наблюдать в процессах масс-медиа, отказалась от четырех фундаментальных моделей глубины: диалектической модели сущности и явления, а вместе с ней от всего спектра понятий идеологии или ложного сознания, которые обычно ее сопровождают; фрейдовской модели скрытого и явного, или модели подавления; экзистенциальной модели подлинности и неподлинности; от семиотической оппозиции означающего и означаемого [Джеймисон, 2019: с. 103].

Все эти модели глубины заменяются определенной концепцией практик, дискурсов, текстуальной игры. Благодаря социальным сетям можно вступить в ничего не значащий диалог с совершенно незнакомым пользователем сети, находящимся в другом конце мира, прокомментировать его пост и через минуту забыть об этом. Само сообщение возникает ниоткуда и уходит в никуда. В этом случае глубина заменяется поверхностью или многими поверхностями.

Виды медиаторов и конструирование субъективности

Масс-медиа приходят к нам с целым набором средств-медиаторов, которые вынуждают нас по-разному приспосабливаться к ним.

Под видами медиаторов здесь понимаются определенные приспособления, посредством которых происходит препарирование или тестирование действительности. К ним мы относим фотокамеру, кинематографический аппарат, телевизионную камеру, смартфон. Медиатор — это оператор виртуального мира.

В зависимости от вида медиатора конструируется определенный характер виртуальной реальности, особое субъект-объектное отношение. Понимание медиатора только в качестве объекта или средства, который полностью зависит от деятельности субъекта, является ограниченным, поскольку именно на нем — медиаторе — лежит ответственность за радикальную трансформацию субъекта.

“Например, при использовании фотоаппарата виртуальные свойства присущи не субъекту, который отражает мир в соответствии со своим видением, а объекту, использующему виртуальную среду объектива. В таком контексте фотоаппарат становится машиной, которая искажает любое желание, стирает любой замысел и допускает проявление лишь чистого рефлекса производства снимков” [Бодрийер, 2006: с. 83].

Итак, медиация предполагает отношения между медиатором и конструкцией субъективности пользователя, которая трансформирует ее.

Для того, чтобы уточнить отношения между медиумом и субъектом, необходимо различать время субъекта и время машины. Следует различать хронометрическое время, время субъекта и время медиатора. Хронометрическое время предполагает специальную пространственную машину — это время определенной машины или время машины как таковой [Джеймисон, 2019: с. 210].

Хронометрическое время кино может ограничиваться несколькими часами, в то время как время на киноэкране имеет совсем другую длительность

ность. Субъект изымается из сферы повседневности с ее рутинным течением времени и переносится в иное время.

Вымышленные сцены и разговоры на киноэкране существенно сокращают реальность в хронометрическом отношении и никогда не совпадают по величине с продолжительной длиной таких моментов в реальной жизни или реальном времени [Джеймисон, 2019: с. 207].

Вымысел можно определить как конструкцию вымышленных или сокращенных темпоральностей, которые затем заменяют реальное время.

Киноэкран обладает особой способностью придавать актерам характеристики вымышленных персонажей, актер наделяется чертами киногероя, и это не в малой степени способствует превращению кинообраза в реального политического лидера. Если время вымысла переживается как реальное время, то и киногерой переживается как реальный человек. Деперсонализация, которой подвергается зритель, заключается в том, что чертами реальности наделяется кинообраз.

Джеймисон также полагает, что единственное понятие, выработанное в связи с телевидением — это понятие *сплошного потока*. В ситуации полного потока, когда содержание струится перед нами на экране весь день напролет, безо всяких перерывов, то, что называется “критической дистанцией”, оказывается просто морально устаревшим.

Если в кино все еще возможно нечто вроде критической дистанции, она определенно связана с памятью. В телевидении память не играет никакой роли — происходит структурное исключение памяти и критической дистанции [Джеймисон, 2019: с. 201].

Предположительно телевизионная трансляция не проецирует внешнее время и не работает с вымыслами или вымыслом. В теле-шоу течение времени уже не подвергается редукции, время объекта и время субъекта совпадают, порождая представление о независимой реальности.

Процесс деперсонализации со стороны масс-медиа приобретает черты контролирующей инстанции. Так посредством телевизионного образа тело человека и вся окружающая его реальность становятся своего рода контролируемым объектом.

Контроль не происходит из чего-то внешнего, обладающего статусом субъекта, контроль (власть) исходит из самого медиатора. Тело теперь контролируется экраном: я трогаю складки жира на животе, смотрю на себя в зеркале, недовольный бормочу о том, что надо срочно похудеть. Откуда исходит это послание “похудеть”? С одной стороны, оно является внешним для меня, с другой — я не могу указать персонифицированный источник, откуда оно исходит. По всей видимости оно исходит от виртуального образа, который моделирует возможные параметры моего тела. Схожие процессы происходят и с приватной жизнью человека.

Когда приватная сфера человека переносится в пространство симуляции, сам человек деперсонализируется, оказываясь своего рода терминалом единой сети.

Новая реальность коммуникации: “вибрация реального”

Жан Бодрийяр приводит знаменитый пример одного из первых в масс-медиа реалити-шоу, осуществленного американским телевидением еще в 1971 году над семьей Лаудов. Американское телевидение в течение семи ме-

саяцев вело непрерывную съемку, наблюдая за жизнью одной американской семьи. Эти съемки велись без сценария и постановки, они рассказывали о драмах и радостях, неожиданных перипетиях, выпавших на долю этой семьи. Характеризуя особенности телетрансляции, Бодрийяр употребляет метафору “вибрация реального”: “...речь идет не о тайне, не о перверсии, но о своего рода вибрации реального или эстетике гиперреального, вибрации от одновременного отдаления и приближения, от искажения масштаба, от чрезмерной транспарентности. Наслаждение от избыточного смысла, когда уровень знака опускается ниже привычной ватерлинии смысла: незначительное преувеличивается благодаря ракурсу съемки. Каждый видит то, чего в реальности не было (но “как если бы вы там были”), без дистанции, которую дает пространство перспективы и глубины восприятия (но “более естественное, чем само естество”)” [Бодрийяр, 2015: с. 43].

Образы, создаваемые телекамерой, не дают возможности создать реальную картину. Эти способы восприятия пространства заданы не трансцендентальным субъектом, а самой масс-медийной машиной. Эти вибрирующие пространства заданы ракурсом съемки: приближение-удаление осуществляется не субъектом, а техническим средством. Масс-медиа создают измерения пространства, которые нельзя наблюдать в обыденной жизни.

С первого взгляда, проведенный телевизионный эксперимент укладывается в парадигму паноптической системы, когда есть наблюдающий и наблюдаемый, который, как правило, не знает, что за ним наблюдают. Однако телевизионная трансляция позволяет и самим Лаудам наблюдать в экране своего телевизора, как за ними наблюдают миллионы зрителей. Тем самым наблюдаемый здесь наблюдает за наблюдением, он всегда оказывается не в фокусе наблюдения, а по ту сторону, “вы всегда оказываетесь по ту сторону”, — отмечает Бодрийяр.

Истина, которая открывается в результате проведенного телевизионного эксперимента, заключается, по мнению Бодрийяра, в истинности манипулятивного теста — это не является ни истиной отражения в зеркале, ни истиной перспективы паноптической и контролирующей системы. Появляется гиперреальная социальность, равнодушная к энергии убеждения, завершающая собой классическую эру пропаганды, идеологии, рекламы.

“Зеркальный поворот, благодаря которому становится невозможной локализация инстанции модели, власти, контроля, самих медиа, потому что вы всегда оказываетесь по ту сторону. Больше не существует ни субъекта, ни фокальной точки, ни центра, ни периферии; сплошная изогнутость или круговое отклонение” [Бодрийяр, 2015: с. 45].

Репрезентация пространства в масс-медиа. Когнитивное картографирование

Паноптическая система еще предполагает существование объективного пространства (пространства Ренессанса) и всемогущество деспотического надзора. Здесь возможно провести различие между “наблюдать” и “быть наблюдаемым”, между тем, кто наблюдает, и тем, кого наблюдают. Паноптическое пространство и дисциплинарное пространство — это понятия, которые достаточно подробно исследовал Мишель Фуко в своей известной монографии “Надзирать и наказывать” (1975) и которые прочно вошли в понятийный аппарат социологической науки. Однако до появления этой работы

в статье “Другие пространства” (1967) он предлагает несколько другое направление исследований по социологии пространства. Еще в 1967 году до появления интернета он называет сегодняшнюю эпоху эпохой пространства, в которой мир предстает как глобальная сеть. “Мы живем в эпоху, когда мир... ощущается не столько как великая жизнь, что разбивается проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собой точки и перекрещивающая нити своего клубка” [Фуко, 2006: с. 191].

Точку зрения Фуко разделяет и американский теоретик культуры постмодернизма Ф.Джеймисон, который полагал, что “можно эмпирически доказать, что наша повседневная жизнь, наш психологический опыт и языки наших культур управляются сегодня скорее категориями пространства, чем времени, в отличие от предшествующего периода высокого модернизма” [Джеймисон, 2019: с. 107]

Представления о пространстве как фундаментальная характеристика человеческого бытия вовлечены в предмет острых споров и бескомпромиссной политической борьбы. “...Многие из идеологических конфликтов, которые одушевляют сегодняшнюю полемику, разворачиваются между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства” [Фуко, 2006: с. 191]. С концепцией пространства связана и модель политической культуры.

Различные периоды в европейской истории характеризуются различными типами отношения к пространству: пространство *локализации*, пространство *протяженности* и пространство *местоположения*. Пространство локализации Фуко связывает с оппозициями священного и профанного пространства, места наднебесные противопоставляются небесным, а те в свою очередь — земным. Но уже начиная с Галилея пространство протяженности замещается пространством локализации, для которого характерно понимание места вещи как точки в ее движении.

В наши дни местоположение приходит на смену протяженности, оно определяется через отношение соседства между точками и элементами. Согласно Фуко местоположение описывается множеством отношений, не сводимых друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающихся.

Зеркальный поворот, благодаря которому становится невозможной локализация инстанции модели, власти, контроля (Бодрийяр), находит отражение в проблеме картографирования нашего положения в глобальной мультинациональной и децентрализованной коммуникационной сети.

Вибрации реальности исчезающего субъекта, вероятно, пережил Фуко, когда попытался “описать множество отношений, определяющих местонахождение прохода, проезда, улицы, поезда (поезд представляет собой интересный узел отношений, поскольку он представляет собой то, сквозь что мы проходим, то, с помощью чего мы можем проехать от одной точки до другой, и затем, это то, что само проезжает). Через узел отношений, позволяющих их определить, можно описать местоположения временной остановки в движении, каким являются кафе, кинотеатры, пляжи и т.д. Но среди всех местоположений меня интересуют именно те, у которых есть любопытное свойство: они соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются” [Фуко, 2006: с. 195]. Речь идет о местоположениях, или пространствах, связанных со всеми остальными и в то же время

противоречащих всем остальным. Такие места, в которых реальные местоположения оспариваются и переворачиваются, — места, находящиеся за пределами всех остальных мест, хотя они локализуемы, Фуко назвал *гетеротопиями*. Они связаны с “раскроем времени” и начинают в полной мере функционировать, когда для людей происходит абсолютный разрыв с их традиционным временем.

Гетеротопия призвана создать иллюзорное пространство, избобличающее все реальное пространство, все местоположения, по которым разгорается человеческая жизнь, как еще более иллюзорные [Фуко, 2006: с. 203].

Разрабатываемое Фуко понятие гетеротопии в полной мере применимо к иллюзорным пространствам, создаваемым масс-медиа. Репрезентация пространства в масс-медиа с его “изогнутостью” и “круговым отклонением” смыкается с его образцами в других сферах культуры.

Определение положения субъекта в пространстве гетеротопии меняет принципы “когнитивного картографирования” (Джеймисон), которые поддерживались монадической точкой зрения на мир с ее строгой локализацией субъекта и объекта. Утверждение культуры масс-медиа подвергает локальное пространство существования индивида воздействию гетеротопии.

Репрезентация пространства начинает ощущаться в качестве несовместимой с репрезентацией тела. Как отмечает Джеймисон, у нас все еще нет перцептуальной экипировки, которая бы позволила ответить на это новое гиперпространство, наши привычки восприятия сформированы прежним типом пространства. Необходимо отрастить новые органы, расширить наш сенсорий и тело до новых измерений [Джеймисон, 2019: с. 145–146].

Пространство, называемое постмодернистским, мультинациональным и т.п., не является всего лишь культурной идеологией или фантазией, но обладает подлинной исторической и социально-экономической реальностью.

Измерения этого пространства можно обнаружить и в особенностях восприятия постмодернистской архитектуры. В ней мы видим искаженные и фрагментированные отражения одной огромной стеклянной поверхности в другой, что, как считает Джеймисон, показательно для процесса воспроизводства в современной культуре.

Архитектура обеспечивает разделение людей в пространстве, канализирует их циркуляцию, а также кодифицирует их взаимоотношения. Например, в городской квартире одно место занимает глава семьи, ему принадлежит кабинет и библиотека, другое место отведено для детей, третье место спальня. Архитектура образует не только элемент пространства: она мыслится вписанной в поле социальных отношений.

Фуко ссылается на одно исследование по средневековой археологии, где внимание сконцентрировано на проблеме дымовой трубы. Первоначально очаг находился под открытым небом или вне дома. С известного момента стало возможным располагать дымовую трубу с очагом внутри дома. С этого момента многое в архитектуре изменилось и стали возможны определенные отношения между индивидами [Фуко, 2006: с. 233].

Попытаемся сравнить описанное Джеймисоном новое архитектурное пространство с пространством масс-медиа. В качестве образца Джеймисон привлекает конструкцию отеля “Уэстин-Бонавентура” (Westin Bonaventure) в центре Лос-Анджелеса, созданную архитектором Джоном Портманом.

Пространством отеля управляет категория закрытости, отель стремится быть миниатюрным миром. Для него характерен новый модус движения

и собирания индивидов, стеклянная поверхность отеля создает делокализованное пространство, нельзя увидеть сам отель — вы только видите в зеркальных стенах отеля искаженные образы того, что его окружает.

Основные помещения отеля, его залы, коридоры, лестницы, лифты построены так, что, находясь в них, человеческое тело теряет способность определять свое местонахождение и организовывать свое непосредственное окружение и когнитивно картографировать свою позицию в поддающемся картографированию внешнем мире.

Этот тревожный момент расхождения между телом и его искусственной средой выражает также неспособность картографировать глобальную мультинациональную и децентрированную коммуникационную сеть, в которую мы попались, будучи индивидуальными субъектами. Вспомним, как менялись наши представления о реальности, когда был открыт мир микрочастиц и его новые законы, не согласующиеся с законами ньютоновской физики.

Координация экзистенциальных данных (эмпирического положения субъекта) с внешними для жизни, абстрактными концепциями географической тотальности имеет значение и для координации в социальном пространстве.

Специальные географические и картографические вопросы следует продумать в категориях социального пространства, в категориях социального класса и национального или интернационального контекста, в категориях того, как все мы по необходимости составляем когнитивные карты нашего индивидуального отношения к локальным, национальным или международным классовым реалиям.

Экзистенциальное позиционирование отдельного субъекта, опыт повседневной жизни, монадическая точка зрения на мир, ограничены и неявно противопоставлены глобальной мультинациональной и децентрированной коммуникационной сети.

Эра симуляции, реальность и смысл

Масс-медиа вынуждают нас переживать все знакомые вещи в новых терминах, пытаться изобрести новые модификации, новые идеальные перспективы, “перетасовать канонические чувства и ценности”. Эра симуляции, провозглашает Бодрийяр, открывается через ликвидацию всех референтов [Бодрийяр, 2015: с. 7].

Реальное подменяется знаками реального, локализация заменяется местоположением. Вся предшествующая культура делала ставку на репрезентацию, на то, что знак способен отражать сокровенный смысл, что он способен обмениваться на смысл. Пространство симуляции — это место смещения реального и модели. Преображение реального в модель создает гиперреальное.

Сегодня на производство гиперреальности ориентированы все масс-медиа, многообразные интервью, прямые эфиры, документальное телевидение. “Они производят ее настолько много, что мы оказываемся окруженными непристойностью и порнографией. Наезд камеры на объект, по сути дела порносъемка, делает для нас реальным то, что реальностью никогда не было, что всегда имело смысл на некотором расстоянии” [Бодрийяр, 2000: с. 93].

В пространстве масс-медиа власть дезорганизовывается, превращается в симуляцию власти, утрачивая связь с целями и задачами и обрекая себя на производство эффектов власти.

Единственное оружие власти, ее единственная стратегия против этого вероломства состоит в том, чтобы инъецировать повсюду реальное и референциальное, в том, чтобы убедить нас в реальности социального, в важности желания и целесообразности производства.

Сфера симуляции содержится в масс-медиа, в сфере коммуникации. Эту сферу необходимо начать изучать с самого главного, с теории знаков.

Критическая семиология Бодрийяра: превращение знака в товар

Для Бодрийяра не только масс-медиа, но и лингвистика и семиотика требуют к себе критического отношения. Они тоже вовлечены в процесс дегуманизации человека, и так же как анализ капиталистического производства у К.Маркса привел к созданию критики политической экономии, так и у Бодрийяра анализ масс-медиа требует критики политической экономии знака. Поэтому Бодрийяр пишет знаменитую работу “К критике политической экономии знака”.

Бодрийяр недвусмысленно ставит задачу: весь концептуальный арсенал семиолингвистики следует подвергнуть такому же кардинальному анализу, какой осуществил Маркс по отношению к понятиям политической экономии [Бодрийяр, 2003: с. 171].

Между товаром и знаком существует определенная гомология. Более того, исследование знака нужно забрать у лингвистики и отдать его политической экономии, поскольку исследования и товара и знака подчиняются одной и той же логике.

Перевод знака в область политэкономии позволяет по-новому взглянуть и на процесс идеологии. И знак, и товар подчинены одной и той же форме производства. Деформации смыслов, которые мы наблюдаем в масс-медиа, определяются общей культурной ситуацией, в которой оказалось современное общество. Это общество, где желание выступает принципом реальности, где потребление создает ту сферу, в которой товар производится в качестве знака, а знаки (культура) в качестве товара.

Предмет современной политической экономии — не товар, и не знак, а их нерасторжимое единство, в котором они уничтожаются как частные определения, но не как форма. Здесь происходит объединение потребительной стоимости, меновой стоимости и стоимости/знака.

Бодрийяр пытается следовать в русле критической семиологии, разработанной группой “Tel Quel”. Он считает, что его политическая экономия знака подрывает научные постулаты семиолингвистики, ставит под сомнение постулат произвольности знака, заданный Ф.Соссюром и исправленный Э.Бенвенистом.

“Произвольность заключается в установлении точной корреляции между неким “дискретным” означающим и столь же дискретным означаемым” [Бодрийяр, 2003: с. 161]. Эта дискретность составляет принцип рациональности знака.

Однако уже Бенвенист, который пытался скорректировать, внести исправления в теорию Соссюра, располагает произвольность знака между самим знаком и вещью, на которую знак указывает, а не между означающим и означаемым, обладающими единой психической природой.

Бодрийяр идет дальше, он считает, что разрез не проходит между знаком и “реальным референтом”. Референт не находится вне знака, у него нет никакой иной реальности — кроме той, что вписывается между строк знаков.

Если мы, вопреки Соссюру, допустим, что означаемое и означающее имеют одну и ту же субстанцию, тогда и референт (реальность) также будет обладать той же субстанцией, поскольку означаемое и означающее выделяются одним и тем же образом, обусловленным означающим.

Разделение знака и мира — выдумка, ведущая к научной фантастике.

“Точно так же, как потребности являются не подвижным и изначальным выражением субъекта, а его уже всегда осуществленной функционально редукцией, связанной с системой потребительной стоимости, так и референт ни в коем случае не конституирует конкретную автономную реальность. Он является лишь экстраполяцией на мир вещей (на феноменологический универсум восприятий) раскройки, введенной логикой знака. Это мир, увиденный и истолкованный через знак, — то есть мир, произвольно расчерченный и постоянно перечерчиваемый” [Бодрийяр, 2003: с. 168].

Все время убегая вперед, референт лишается собственной реальности, становится симулякром, за которым, однако, вновь и вновь возрождается непосредственно ощутимый объект.

Как же предполагает Бодрийяр преодолеть извращенность процесса означивания, как осуществить выход за пределы семиологии?

Бодрийяр рассматривает два возможных варианта преодоления знака. Первый вариант был предложен группой “Tel Quel”. Это критика абстракции и произвольности знака во имя “конкретной” реальности. Однако такое решение не устраивает Бодрийяра. Эта программа предполагает в качестве истины такие реальности, которые, с точки зрения Бодрийяра, уже сами превратились в иллюзорные сущности “субъект”, “история”, “природа”.

Любая попытка преодолеть политическую экономию знака, опираясь на одно из ее составляющих, обречена на воспроизводство произвольности знака.

“Радикальное вопрошание знака может начаться с того, что исключается и уничтожается в самом установлении знака, в одновременном возникновении и структурном связывании означающего и означаемого” [Бодрийяр, 2003: с. 175].

Такой процесс означивания является гигантской моделью симуляции смысла.

Что же противопоставляется знаку — знаку, который надо разрушить. На смену знаку должна прийти символическая смысловая операция. Бодрийяр использует символ как полную противоположность и радикальную альтернативу понятию знака и означивания.

Медиа делают невозможным любой процесс, кроме симуляции ответа. В этой абстрактности медиа и находит основание система социального контроля и власти. Бодрийяр в очередной раз обращается к структурам примитивных обществ: здесь власть принадлежит тому, кто может давать и кому нельзя отдавать. Это разорванный обмен, при котором социальный процесс является неравновесным. Так же и в сфере медиа: речь говорится так, что на нее никогда не может быть получен ответ. Совершить революцию, то есть опрокинуть современную структуру медиа — значит восстановить возможность ответа, восстановить кругооборот символического обмена. В символическом обмене предмет никогда не является предметом, но всегда неотде-

лим от конкретного отношения, благодаря которому он обменивается. У предмета нет ни потребительной, ни меновой экономической стоимости; его стоимость символическая меновая. Но сегодня западный человек живет в безответном и поэтому безответственном обществе.

Для Бодрийера симуляция заключена в самом процессе означивания, и уничтожает эту модель не референт, уничтожает эту модель символическое. Но символическое продолжает преследовать знак, разрушать формальную корреляцию между означающим и означаемым.

С процессом означивания коррелирует процесс создания ценности и стоимости. Для того, чтобы преодолеть логику симулякра, необходимо выйти за границы ценности и позитивности знака. Бодрийер полагает, что существует способ обмена, радикально отличный от способа обмена стоимостями.

Субъект, власть и утрата эмоции

Мы уже отмечали, что в эпоху медиа такие фундаментальные понятия, как “субъект”, “власть”, “знак”, “смысл”, на которых строилась картина мира модерна, подверглись кардинальным изменениям. Для Фуко само преобразование людей в субъекты является результатом объективации, предпринятой институтами власти.

Фуко пытался написать историю различных режимов субъективности человека в нашей культуре, анализируя различные режимы объективации, которые преобразуют людей в субъекты. Существует два смысла слова “субъект”: субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость, и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию и самопознанию. В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработает и уничтожает. Борьба с властью требует выживания новых форм субъективности, отвергая тип индивидуальности, навязывающийся нам в течение нескольких столетий. Масс-медиа выдвигают новые формы субъективности. Однако эти новые формы субъективности отнюдь не могут противостоять власти в качестве мощного ее оппонента. Джеймисон отмечает конец блуждающего эго, или монады, который приводит к концу психопатологий этого эго, к исчезновению аффекта. Более не существует самости, чтобы этими чувствами обладать [Джеймисон, 2019: с. 107]. Когда мы за чашкой кофе видим в сети фотографии разрушенных городов, плачущих в развалинах детей или массовую гибель животных, мы эмоционально на них почти не реагируем. Мы ставим символ “сочувствую”.

Такие продуцируемые масс-медиа чувства-иконки, которые лучше называть “интенсивностями” (Лиотар), являются свободно парящими и безличными. Отчуждение субъекта, свойственное эпохе модерна, заменяется фрагментацией, центрированный субъект растворяется в мире организованной бюрократии (Джеймисон).

Политика, реальность и событие

В начале статьи мы поставили задачу объяснить особенности политической кампании, проходящей в Украине, через влияние на нее масс-медиа. Поэтому такие вопросы классической политологии, как вопрос о реализме в политике, предполагающий выяснение понятий “реальность”, “истина”, “реалистическая страсть”, приобретают новый смысл. Если раньше этот вопрос

предполагал, что эмпирическая реальность доступна познанию и что в ней находится основание адекватного действия, то теперь вследствие вторжения масс-медиа эмпирическая реальность замещается картинкой в мониторе.

Если раньше К.Маркс писал, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить, то теперь изменение мира предполагает всего лишь изменение формата электронных медиа. Для философии модерна реализм в политике — это позиция по отношению к реальности: он нацелен на процесс реализации, на реальное становление человека, на появление общественного человека в обществе. Теперь понятие “реальное” вытесняется понятием “событие”. Взаимоотношения между информационно-коммуникативными и реальными событиями сходны с отношениями микро- и макромира (например, в силу неприменимости категории причинности к квантовому миру): первые обретают собственную логику и законы, создают собственные миры, принципиально отличающиеся от социокультурных жизненных миров, в которые они могут вторгаться, воздействуя на них.

Прежде всего, событие нельзя свести к простому социальному детерминизму, к причинным рядам. “Событие само по себе состоит в обособлении или в разрыве с различными видами причинности: это бифуркация, отклонение от законов, нестабильное состояние, которое открывает новый спектр возможностей” [Делез, 2016: с. 69].

Очень важно в понимании события иметь в виду его *вероятностный* характер. Иначе говоря, событие не обладает всей массой фактичности, которая полностью определяет дальнейшее развитие общества, но предлагает лишь определенный набор возможностей, которые будут использованы, учтены или не будут использованы и учтены в дальнейшем.

“В этом смысле событие может быть оспорено, пресечено, воспроизведено заново, предано; оно не содержит в себе чего-то непреодолимого” [Делез, 2016: с. 69]. Событие — это открытие возможности. Так, например, главным политическим событием в послевоенной Франции для французских интеллектуалов стал май 1968 года. “Май 68-го, скорее, из разряда чистых событий, независимых от обычной или нормативной причинности. Его история — это “последовательность нестабильных состояний и возрастающих флуктуаций”. В 68-м хватало суеты, жестов, слов, всевозможных глупостей, иллюзий, но важно не это. Важен сам феномен ясновидения, как если бы общество вдруг узрело, что в нем есть что-то невыносимое и возможность чего-то иного. Это был коллективный феномен из разряда “Дайте мне возможного или я задохнусь”. Возможное не существует заранее, его создает событие. Это насущный вопрос. Событие порождает новый образ жизни, оно производит новую субъективность (новое отношение к телу, времени, сексуальности, среде, культуре, работе...)” [Делез, 2016: с. 70].

Общество должно создать новые коллективные устройства, отвечающие произошедшему событию. Только в таком случае оно окажется верным событию, реализует новые возможности, которые открываются в событии.

Поэтому так важно, оказывается, быть верным произошедшему событию, его подлинному смыслу. При осмыслении события, с точки зрения Бадью, необходимо учитывать момент *вмешательства*. Произошедшее событие повергает нас в неизвестность относительно его политического наименования, мы сталкиваемся с политико-историческими обстоятельствами, которые непрозрачны сами по себе и для именованного которых у нас су-

ществуют только устоявшиеся, как правило, непригодные понятия и категории. Получается, что события, осмысленные в такой системе языка, на самом деле оказываются неосмысленными. Существует некая избыточность события, которая выводит его за рамки устоявшейся системы значений.

Предстоит работа по именованию события, которую Бадью и называет вмешательством. Задача политика состоит в том, чтобы *политически изобретенные наименования события* осуществили разрыв с господствующей системой представлений, тем самым происходит “переоткрытие возможности политики, исходя из смутных событийностей” [Бадью, 2003: с. 46].

Верность событию и означает следование практике и составляет понятие реальности.

Мы имеем дело не с действием, вдохновляемым точным знанием фактов, чтобы наделять реальность ее подлинной идентичностью, а с действием в структуре переименования события, чтобы создать новые возможности политики.

Открытие Маркса, что социальная реальность является практикой на всех уровнях и настоящее постигается как то, что требует решения определенной задачи; что познание нашего мира не может быть оторвано от замысла его изменить; что истина и ложь, добро и зло требуют определения еще и в качестве условий определенного действия; что в своей завершенной форме реальность есть политика, — все эти положения приобретают новый смысл в коммуникационно-информационном мире.

Политика, рассматриваемая как загадка, когда мы видим в ней набор средств, служащих завоеванию или сохранению власти, в той или иной мере безразличной к нравственным целям, обнаруживает свою ценность, когда мы узнаем в ней то пространство, где изобретенные наименования осуществили разрыв с господствующей системой представлений, где запечатлены значения, выработанные на всех уровнях деятельности, где открыто поле возможного.

Появление масс-медиа радикально меняет социальный мир и его логику. Они приводят к совершенно новым взглядам на субъективность и на предметный мир. Прежде всего, изменяется традиционная система отсчета, которая основывалась на идее *перспективного* пространства. Это пространство причины и следствия, где то или иное событие можно просчитывать, где власть имеет пространственную локализацию, где государство имеет определенные границы, на которые распространяется его суверенитет. Там событие можно просчитать, и оно сохраняет свое политическое правдоподобие.

В мире масс-медиа отменяется линейная последовательность, отменяется диалектическая полярность, отменяется противоположность субъекта и объекта. Вместо перспективного пространства появляется пространство осязания, где происходит “залипание” субъекта и объекта.

Любое событие, действие, ценность, социальный институт, попадая в сферу действия системы, в которой не существует линейной последовательности, подвергается определенной деформации. Здесь исчезает всякая детерминированность, с окончанием цикла каждое действие отменяется и рассеивается во всех направлениях, считает Бодрийяр.

Масс-медиа полагают конец опыту перспективного и паноптического пространства, согласующемуся со всеми попытками классического анализа “объективной” сущности власти; исчезают любые дуальные структуры, связанные со смешением отправителя и получателя, дискурс больше не пере-

мещается от одной точки к другой, но проходит цикл, в котором не поддаются обнаружению позиции отправителя и получателя; больше не существует инстанции власти, инстанции отправителя, это — конец власти в ее классическом определении; власть больше не принадлежит к порядку директивной и контролирующей инстанции, но относится к порядку тактильности и коммутации; это — растворение телевидения в жизни, растворение жизни в телевидении.

Избирательный процесс в нашей стране показал, как, казалось бы, экзотические положения социологии постмодерна — “симулякры”, “симуляция”, “тактильная коммуникация” и др. — неожиданно стали актуальными агентами современного политического процесса.

Источники

Бадью, А. (2003). *Манифест философии*. Санкт-Петербург: Machina.

Бодрийяр, Ж. (2000). *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Бодрийяр, Ж. (2003). *К критике политической экономии знака*. Москва: Библион-Русская книга.

Бодрийяр, Ж. (2006). *Прозрачность зла*. Москва: Добросвет, КДУ.

Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляции*. Москва: Издательский дом “Постум”.

Делез, Ж. (2016). *Мая 68-го не было*. Москва: Ад Маргинем.

Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. Москва: Издательство Института Гайдара.

Фуко, М. (2006). *Другие пространства*. В: М. Фуко. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью* (сс. 191–204). Москва: Праксис.

Получено 29.10.2019

References

Badiou, A. (2003). *Manifeste pour la philosophie*. [In Russian]. Saint Petersburg: Machina. [= Бадью 2003]

Baudrillard, J. (2000). *À l'ombre des majorités silencieuses*. [In Russian]. Yekaterinburg: Publishing House of Ural University. [= Бодрийяр 2000]

Baudrillard, J. (2003). *Pour une critique de l'économie politique du signe*. [In Russian]. Moscow: Biblion-Russian book. [= Бодрийяр 2003]

Baudrillard, J. (2006). *La Transparence du mal*. [In Russian]. Moscow: Dobrosvet, KDU. [= Бодрийяр 2006]

Baudrillard, J. (2015). *Simulacra et simulation*. [In Russian]. Moscow: Publishing House “Postum”. [= Бодрийяр 2015]

Deleuze, G. (2016). *Mai 68 n'a pas eu lieu*. [In Russian]. Moscow: Ad Marginem. [= Делез 2016]

Jameson, F. (2016). *Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism*. [In Russian]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. [= Джеймисон 2016]

Foucault, M. (2006). *Autres espaces*. In: M. Foucault. *Les intellectuels et le pouvoir: articles politiques choisis, discours, interviews* (pp. 191–204). [In Russian]. Moscow: Praxis. [= Фуко 2006]

Received 29.10.2019

ВИКТОР БУРЛАЧУК**Мас-медіа, вибори і нова реальність**

Мас-медіа покладають край досвіду перспективного і паноптичного простору, узгодженого з усіма спробами класичного аналізу “об’єктивної” сутності влади. Будь-яка подія, дія, цінність, соціальний інститут, потрапляючи до сфери дії системи, в якій не існує лінійної послідовності, піддаються певній деформації. Зникають будь-які дуальні структури, пов’язані зі змішанням відправника і одержувача, дискурс більше не переміщується від однієї точки до іншої, але проходить цикл, в якому не піддаються виявленню позиції відправника і одержувача. Влада більше не належить до порядку директивної і контролювальної інстанції, але відноситься до порядку тактильності та комутації; відбувається розчинення телебачення в житті, а життя — в телебаченні.

Ключові слова: мас-медіа, влада, паноптичний простір, подія, реальність, комунікація, віртуальність

ВИКТОР БУРЛАЧУК**Масс-медиа, выборы и новая реальность**

Масс-медиа полагают конец опыту перспективного и паноптического пространства, согласующемуся со всеми попытками классического анализа “объективной” сущности власти. Любое событие, действие, ценность, социальный институт, попадая в сферу действия системы, в которой не существует линейной последовательности, подвергаются определенной деформации. Исчезают любые дуальные структуры, связанные со смешением отправителя и получателя, дискурс больше не перемещается от одной точки к другой, но проходит цикл, в котором не поддаются обнаружению позиции отправителя и получателя. Власть больше не принадлежит к порядку директивной и контролирующей инстанции, но относится к порядку тактильности и коммутации; происходит растворение телевидения в жизни, а жизни — в телевидении.

Ключевые слова: масс-медиа, власть, паноптическое пространство, событие, реальность, коммуникация, виртуальность

VIKTOR BURLACHUK**Mass media, Elections and New Reality**

Mass media put an end to the experience of perspective and panoptic space, consistent with all attempts of classical analysis of the “objective” essence of power. Any event, action, value, social institution, falling into the scope of a system in which there is no linear sequence, is subject to some deformation. Any dual structure associated with the mixing of the sender and the recipient disappears, the discourse no longer moves from one point to another, the discourse no longer moves from one point to another, but rather goes through a cycle in which the position of the sender and recipient is not revealed. The power no longer belongs to the order of the directive and controlling authority, but rather belongs to the order of tactility and switching; there is a dissolution of television in life, as well as dissolution of life in television.

Keywords: mass media, power, panoptic space, event, reality, communication, virtuality